

ПОЛИТИКА

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта НИУ ВШЭ (индивидуальный исследовательский проект 16-01-0059 «„Зерцала правителей“ в политико-правовой культуре королевства Кастилии XIII — первой половины XIV веков»). Автор выражает признательность своим коллегам Михаилу Киселеву (УрО РАН), Кириллу Осповату (ун-т Висконсин-Мэдисон, США), Андрею Тесле (БФУ им. И.Канта) и Святославу Каспэ (НИУ ВШЭ) за консультации, представленные ими в ходе подготовки этой статьи.

А.В.Марей

О КНЯЗЬЯХ И ГОСУДАРЯХ¹

Александр Владимирович Марей — кандидат юридических наук, доцент Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: fijodalgo@gmail.com.

Аннотация. В статье ставится масштабная проблема содержания политических понятий и, в частности, адекватного перевода на русский язык политического языка европейского Средневековья. На примере понятия *princeps* автор демонстрирует, что, в отличие от текстов Нового и Новейшего времени, к которым применимы техники, разработанные различными теоретиками перевода, средневековые тексты нуждаются в ином подходе. Помимо прояснения концептуального остова переводимого текста, здесь требуется прояснить и понятийный аппарат самого переводчика.

Опираясь на анализ политико-теологического дискурса Фомы Аквинского и Птолемея Луккского, автор приходит к выводу о превалировании в средневековой языковой модели языка Священного Писания, где понятие *princeps*, как правило, использовалось для обозначения руководителя второго звена, непосредственно подчиняющегося *государю* (*dominus*). В тех же редких случаях, когда этим понятием описывался самовластный правитель, над этим правителем ставился Бог, по отношению к которому *princeps* представлял лишь одним из служителей. Сходным образом обстояло дело и в русском политическом языке, где понятие «государь» стало использоваться для перевода латинского *princeps* лишь в XVIII—XIX вв. Закрепление данного варианта как основного автор связывает с утверждением традиции, подразумевающей единство политического субъекта и политического же господства, в рамках которой была лишь одна форма правления — *государство* — и лишь один образ политического руководителя — *государь*.

В завершающей части статьи автор рассматривает эволюцию понятия «принцепс» в современном русском политическом языке, где этим словом часто обозначают действующего президента РФ, показывая, как неадекватное его использование приводит к формированию абсурдного концепта: мудрый и справедливый правитель, строящий свое правление на лжи и лицемерии.

Ключевые слова: принцепс, князь, государь, *princeps*, теория перевода, средневековые тексты, политическая теология

Почти 30 лет тому назад, в далеком 1990 г., был создан первый русский перевод одного из трактатов Фомы Аквинского. Латинское название этого трактата — *De regno ad regem Cypri sive De regimine principum*.

² *Срединская 1990.*

На русском языке оно, с легкой руки переводчика, великолепного специалиста по средневековому итальянскому нотариату Наталии Срединской, стало звучать «О государстве к королю Кипра, или О правлении государей» или же просто «О правлении государей». Перевод, к сожалению, подвергся сильному сокращению и был опубликован в хрестоматии «Политические структуры эпохи феодализма» в виде нескольких, хотя и достаточных пространных фрагментов². Но даже в таком неоправданно порезанном виде текст оказался чрезвычайно востребован. До сих пор трудно найти исследователя или студента, который бы, обратившись к сюжетам средневековой европейской политической мысли, не цитировал «О правлении государей» Фомы Аквинского. И практически никому из них не приходит в голову, что ни о каких «государях» Аквинат не писал. Называть тех *principes*, о правлении которых говорил великий доминиканец, «государями» — значит, по моему мнению, модернизировать мысль Фомы, наполняя ее чуждыми ему смыслами. Иными словами, это означает исказить исходный текст, создав не перевод *stricto sensu*, а авторскую вариацию на тему. Далее я попробую обосновать свою позицию и предложить альтернативу переводу данного термина, принятому в издании 1990 г. Моя задача, равно как и мои амбиции в отношении Фомы Аквинского, разумеется, не ограничиваются переводом понятия *princeps* на русский язык. В начале лета 2019 г. в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге в свет выйдет сделанный мной полный перевод трактата «De regimine principum» и его продолжения, написанного секретарем Фомы Птоломеем Луккским. Издание будет снабжено подробным комментарием. Эта же статья выступает своего рода оселком для моей концепции перевода средневековых политических текстов.

Но сначала необходимо объяснить. Автор этих строк не только не ставит под сомнение профессиональное мастерство Срединской, но, напротив, искренне восхищается ей как исследователем. Проблема здесь кроется в другом и имеет не столько практико-прикладной, сколько теоретико-методологический характер.

Несколько слов о методологии

Русская или, немного шире, русскоязычная интеллектуальная культура есть прежде всего культура переводная, результатом чего является ее зависимость от переводов и почти болезненная чувствительность к ним³. В этой ситуации одним из ключевых становится вопрос об онтологическом статусе переводчика и, как следствие, о выборе им той или иной стратегии перевода. Усложняется все тем, что русский язык не состоит в отношениях близкого родства с основными языками европейской культуры, а потому перевод, тем более перевод философского текста, каждый раз превращается в увлекательный сложнейший квест. Впрочем, двойственность потенциального статуса переводчика и соответствующих ему стратегий перевода была подмечена еще более 2 тыс. лет назад Марком Туллием Цицероном.

В речи «О наилучшем роде ораторов», известной также как речь «О переводчиках», Цицерон сообщает, что переводил с греческого

³ Об этом см. Куренной 2005, основной опорой для которого в этом утверждении служит знаменитая книга Густава Шпета 1922 г. «Очерк развития русской философии» (Шпет 2008—2009); гораздо более многословно, но о той же проблеме пишет Наталья Автономова (Автономова 2008).

речи Эсхина и Демосфена «не как толмач, а как оратор», полагая, «что читатель будет требовать от меня точности не по счету, а — если можно так выразиться — по весу» («*Converti enim ex Atticis duorum eloquentissimorum nobilissimas orationes inter seque contrarias, Aeschinis et Demosthenis; nec converti ut interpres, sed ut orator, sententiis isdem et earum formis tamquam figuris, verbis ad nostram consuetudinem aptis. In quibus non verbum pro verbo necesse habui reddere, sed genus omne verborum vimque servavi. Non enim ea me adnumerare lectori putavi oportere, sed tamquam appendere*»)⁴. Тем самым прославленный оратор выделяет два типа переводчиков. Один из них, обозначенный латинским понятием *interpretes*, включает в себя тех, для кого перевод есть буквальная передача оригинального текста на родном языке, с максимально возможным сохранением его ритмики, грамматической и морфологической структуры, а также лексического багажа. Второй тип переводчика, к которому, собственно, и причисляет себя Цицерон, ориентирован на схватывание и передачу духа и смысла, иногда, возможно, в ущерб форме. В этом случае переводчик предстает скорее самостоятельным автором, нежели простым посредником между читателем и исходным текстом. Весьма показательна в данном случае ошибка цитирования, допущенная Инес Озеки-Депре в ее статье, посвященной соотношению между герменевтикой и переводом. Разбирая приведенную выше цитату, она подменяет в латинском тексте «оратора» «автором» (*auctor*), строя на этой подмене свои последующие рассуждения⁵.

Ту же формулу перевода смысла, а не буквы взял на вооружение один из наиболее знаменитых переводчиков всего христианского мира, провозглашенный святым покровителем этой профессии, — Евсевий Иероним (ок. 342—420). В одном из писем к Паммахию, озаглавленном «О наилучшем роде перевода» (*De optimo genere interpretandi*), он формулирует свое переводческое кредо следующим образом: «Я передаю не слово в слово, но мысль в мысль» («*profiteor me <...> non verbum e verbo sed sensum exprimere de sensu*»)⁶. Правда, тут же Иероним делает важную оговорку, подчеркивая, что подобный перевод применим для любых текстов, кроме Священного Писания, «где и расположение слов — тайна»⁷. Наконец, Леонардо Бруни, через тысячу лет после Иеронима размышляя о критериях правильного перевода, замечает, что переводчик должен обладать тремя качествами: во-первых, он должен в совершенстве владеть языком переводимого им текста; во-вторых, он должен уметь передать в точности как смысл этого текста, так и его стилистику; наконец, в-третьих, он обязан по возможности сохранить его ритмику, поэтику и образную систему⁸.

Сказанное пока вполне применимо к любому переводу. Переводчик («оратор», а не «толмач», в терминологии Цицерона) выступает не просто человеком, говорящим и читающим на двух языках, но своеобразным мостом между двумя культурами. Тем, кто способен эти культуры сблизить и помочь им заговорить на одном языке, либо заставляя читателя идти к писателю, либо, наоборот, вынуждая писателя

⁴ Cic. *De optimo genere oratorum*. V.14. Русские цитаты из этой речи приводятся в переводе Фаддея Зелинского (Цицерон 1901). Любопытно, что Зелинский намеренно следует той же стратегии, что и Цицерон, то есть переводит не дословно, но передавая смысл. Перевод этой фразы, выполненный в альтернативной стратегии, i.e. дословно, см. Иероним 1894: 115.

⁵ Озеки-Депре 2011: 50.

⁶ Hier. *Epist.* 57 (русский перевод — Иероним 1894: 114).

⁷ *Ibidem*.

⁸ Шабига 2010.

⁹ Куренной 2005: 74.

двигаться к читателю (если использовать образ, предложенный Фридрихом Шлейермахером⁹). Но перевод философского или теологического текста обладает выраженной спецификой, связанной с наличием разработанного терминологического аппарата, своеобразного «скелета», на котором выстраивается вся авторская концепция. Потому переводчик, работающий с такого рода текстами, должен помнить приведенную выше оговорку Иеронима о переводе Писания и быть особенно осторожен со словами. По сути, подобному переводу должна предшествовать длительная и кропотливая работа по расчистке и прояснению терминологического или, шире, концептуального остова переводимого текста, результатом которой должен быть глоссарий.

Разумеется, предваряющее перевод составление глоссария — это идеал, чаще всего недостижимый. Но прояснение концептуального остова текста все равно необходимо. Для этой операции оптимальными представляются две техники, разработанные в русле методологии истории понятий. Можно либо, следуя традиции школы *Begriffsgeschichte* и Райнхарта Козеллека, заняться археологией основных понятий, либо, напротив, попытаться поместить их в максимально широкий контекст, как было предложено Квентином Скиннером. Первая из этих техник дает возможность встроить переводимый текст в культурную традицию, установить тексты, авторитетные для его автора, идентифицировать его предшественников и высветить ориентиры. Вторая позволяет достичь похожих результатов, но другим путем — через выявление круга чтения автора переводимого текста, а также круга его знакомств и общения зафиксировав его место в интеллектуальном поле эпохи. Однако этих двух стратегий, а также третьей, основанной на их синтезе, оказывается достаточно, лишь если переводимый текст создан в одну историческую эпоху с нами, то есть в эпоху позднего Модерна. В этом случае и переводчик, и переводимый текст находятся в относительно легко совместимых понятийных рамках, и после определения и расчистки концептуального остова оригинального текста можно перейти к подбору терминов, с максимальной полнотой и аккуратностью передающих содержание оригинала на языке перевода¹⁰.

¹⁰ О требованиях к подбираемой терминологии см., напр. Куренной 2005: 80.

Когда же речь идет о тексте, созданном до эпохи европейского Модерна (в случае с Фомой Аквинским — в период Высокого Средневековья), подобной операции мало. Может понадобиться, а при переводе теолого-политического текста понадобится обязательно, дополнительная работа по прояснению концептуального остова языка переводчика. Необходимо проверить используемые им понятия на историческое соответствие, очистить от более поздних, наносных значений, отшлифовать контекстуальные связи с иными, соседствующими с ними концептами. В итоге слова, выбранные для перевода тех или иных философских, теологических или политических понятий домодерновой культуры, должны отвечать двум основным требованиям. С одной стороны, они не должны быть анахронизмами по отношению к переводимому тексту, с другой — должны быть максимально прояснены и понятны для читателя

перевода. Возвращаясь к формуле Шлейермахера, можно сказать, что переводчик своими усилиями должен максимально сблизить читателя и автора, сократить тот путь, который один из них должен проделать по направлению к другому. Побочным результатом такой работы становятся как минимум подробные комментарии переводчика к переведенному им тексту, как максимум же — ряд научных статей, раскрывающих те или иные позиции его языка.

**Princeps:
князь
или государь?**

Если начать разговор с происхождения слова, то можно вспомнить, что латинское *princeps* восходит к эпохе Римской республики, когда этим словом обозначали сенатора, имевшего право первой речи в Сенате. Впоследствии этот титул взял себе Октавиан Август, первый император Рима, носили его и все его преемники, что позволило называть эпоху ранней Римской империи принципатом. Таким образом, одна из семантических линий, образующих каркас понятия *princeps*, восходит к имперскому, а через него — к республиканскому прошлому Рима. Республиканский момент здесь играет решающую роль, так как римские *principes* на уровне идеологии всегда обозначали себя как правителей свободных граждан — римского народа. Собственно, вся римская политическая общность продолжала определяться знаменитой формулой *SPQR*, то есть *Senatus Populusque Romanus*, «Сенат и римский народ», и в этом контексте *princeps* смотрелся естественно и органично, как первый среди равных. Это соотношение сената и *принцепса* прослеживается и в сочинениях некоторых средневековых авторов, особенно тех, для кого античные тексты были наиболее важны. Ярким примером подобной политической метафорики может служить «Поликратик» Иоанна Солсберийского, где правитель (*princeps*) уподобляется голове политической общности (*res publica*), сенат же — сердцу («*Dictum est autem principem locum obtinere capitis, et qui solius mentis regatur arbitrio <...> Cordis locum, auctore Plutarco, senatus optinet*»¹¹). Однако даже для этих авторов имперско-республиканский дискурс имел вторичное, вспомогательное, пусть и важное значение. Основным же, формирующим картину мира и определяющим способ мировосприятия, несомненно, был теологический дискурс, ибо интеллектуальная культура Средних веков — это прежде всего культура христианская¹².

К этому добавлю и еще одно, вполне очевидное соображение, часто игнорируемое именно в силу своей очевидности. Фома Аквинский имел университетскую степень доктора богословия и принадлежал к ордену проповедников, известному также как орден доминиканцев¹³. Да, он знал и многократно использовал тексты Аристотеля, был знаком с достаточно большим числом римских авторов, но текстом, определявшим основное направление и содержание его мысли, оставалось, несмотря ни на что, Священное Писание. Более того, даже помянутые труды Аристотеля переводились на латынь в XIII в. богословами, зачастую представителями новых орденов Церкви: так, «Этику» переводил

¹¹ *Policraticus*, V.6, V.9.

¹² Об этом написано и сказано очень много. Из недавних книг сошлюсь на монографию Олега Воскобойникова (Воскобойников 2014) и коллективную монографию «Теология и политика» (Ауров и Марей 2017), из классики — на работы Петра Бицилли, Арона Гуревича и Жака Ле Гоффа. О значении Священного Писания для формирования политической теории Средних веков см., напр. Вис 1994.

¹³ О биографии Фомы см. блестящий очерк в первой главе книги Татьяны Стецюры (Стецюра 2010).

францисканец Роберто Гроссетеста, а перевод «Политики» был выполнен собратом Фоми по ордену, доминиканцем Вильгельмом из Мёрбеке. Соответственно, и латынь, применявшаяся при переводе Аристотеля, была в первую очередь латынью университетской теологии, латынью Библии и богословских трактатов. Наконец, продолжателем Фоми в трактате «De regimine principum» тоже был член ордена доминиканцев, секретарь и ученик Аквината Птолемей Луккский¹⁴. Раз так, то все ключевые понятия и термины, использованные в трудах Фоми и иных современных ему авторов, с весьма высокой степенью вероятности принадлежат к богословскому лексикону, а значит, расчистку концептуального остова нужно проводить именно в этом направлении. Применительно к рассматриваемой в данной статье теме это означает, что наиболее интересной является парадигма употребления понятия *princeps* в Священном Писании.

В тексте Библии слово *princeps* в различных падежных формах единственного и множественного числа встречается более 800 раз, уступая в частотности употреблению таким словам «властного круга», как *dominus* (только в именительном падеже единственного числа — свыше 3,5 тыс. употреблений) и *rex* (около 2 тыс. употреблений), но, безусловно, опережая термины *iudex*, *dux* и т.д. За небольшими исключениями, о которых будет сказано чуть ниже, слово *princeps* в Библии всегда требует после себя определения — как правило, существительного, стоящего в родительном падеже. Наиболее часто встречаются словосочетания *princeps exercitus*, *princeps militiae*, *princeps sacerdotum*, то есть «военачальник» и «первосвященник» (дословно «первый над войском / воинством» и «первый среди священников»). Этим трем уступают в частотности, хотя и не сильно, *princeps in tribu*, *princeps filiorum* и *princeps domus / familiae* («вождь племени», «первый среди сынов / вождь сынов» и «глава дома / семьи»). Реже, но все же попадаются словосочетания *princeps populi* и *princeps populorum* («начальник народа / народов»). Несколько особняком стоит ряд контекстов из пророческих книг Ветхого Завета и богословских — Нового, в которых понятие *princeps* используется для характеристики либо Иисуса Христа (Ис.9:6, где он назван «князем мира» («*parvulus enim natus est nobis filius datus est nobis et factus est principatus super umerum eius et vocabitur nomen eius Admirabilis consiliarius Deus fortis Pater futuri saeculi Princeps pacis*»)) и Откр.1:5, где фигурирует титул «князь царей земных» («*et ab Iesu Christo qui est testis fidelis primogenitus mortuorum et princeps regum terrae qui dilexit nos et lavit nos a peccatis nostris in sanguine suo*»)), либо, напротив, его противника, сатаны («*princeps huius mundi*»)¹⁵. Наконец, относительно небольшую группу составляют контексты, в которых слова *princeps / principes* употреблены без определения¹⁶.

У значительной части перечисленных контекстов есть одна общая особенность. *Princeps*, упомянутый в них, выступает вторым лицом, так сказать, руководителем второго звена. Это либо полководцы, которых куда-то посылает царь (например, в книге Юдифи словом *princeps*

¹⁴ О Птолемее см. прежде всего работы Джеймса Блайта (*Blythe 2009a, 2009b; Blythe and La Salle 2005*).

¹⁵ Ин.12:31, 14:30, 16:11.

¹⁶ Лев.4:22; Суд.11:6; 2 Царств 23:8, 23:18-19; Притч.25:15, 28:15, 29:12 и т.д.

Классическим и, пожалуй, наиболее известным фрагментом из этой группы является: «*nam principes non sunt timori boni operis sed mali vis autem non timere potestatem bonum fac et habebis laudem ex illa*» (Рим.13:3).

¹⁷ *Юдифь* 2:4. назван полководец царя Навуходоносора Олоферн¹⁷), либо начальники и вельможи разного уровня, над которыми также стоит царь (2 Пар.12:6; 1 Ездра 8:56; Эккл.10:16, Наум 3:18 и т.д.). Вариантом того же выгладит *princeps* как глава рода или племени, входящего в состав народа, которым опять-таки правит царь, начальник округа или даже полу-

¹⁸ *Неем.* 3:9 ff. группа контекстов однотипна и в основном сосредоточена в трех новозаветных текстах — Евангелиях от Матфея и от Луки и Деяниях апостолов, тоже составленных ап. Лукой. Всю эту группу, по сути, образуют случаи употребления одного словосочетания — *princeps / principes sacerdotum*, то есть «первосвященник» или «первосвященники». Здесь стоит отметить коллегиальность руководящей позиции. Первосвященник выступает именно в качестве первого среди равных, одного из многих.

Крайне немногочисленны контексты, в которых *princeps* означает самостоятельного правителя (пожалуй, только Притч.25:15, 28:15, 29:12 и Рим.13:3). Но в этих случаях подразумевается, что над ним стоит Бог. Наиболее внятно это проговорено в Послании Павла к Римлянам, где *principes* названы *ministri Dei*, то есть служителями Божьими. Даже в знаменитом стихе из книги пророка Исайи: «*младенец родился нам — Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира*»¹⁹, — речь идет о Сыне Господа (*Dominus*), который поэтому и назван *Princeps pacis*. Что же касается трех стихов из Евангелия от Иоанна, где описывается пришествие и низвержение сатаны, его титул *princeps huius mundi* лишь подчеркивает преходящий характер его власти, его временность и, кстати, вторичность. Ведь, титулуя сатану таким образом, его, по сути, приравнивают к человеческим властителям (*principes terrae, principes / rectores / reges mundi* etc.) — по крайней мере, на уровне языковой дефиниции.

¹⁹ *Ис.* 9:6.

Любопытные результаты дает и сопоставление латинских фрагментов, в которых употребляется понятие *princeps*, с параллельным им греческим текстом, а затем с соответствующими местами Библии на церковнославянском языке. Наиболее распространенной парой к латинскому *princeps* окажется греческое *ἄρχων*, латинскому *princeps sacerdotum* будет соответствовать греческое *ἄρχιερεὺς*, латинскому *princeps exercitus* — греческое *ἀρχιστράτηγος*. Лишь в единичных случаях (Притч.25:15 и 29:12) латинским *princeps* переведено греческое *βασιλεὺς*, то есть «царь». Стоит отметить, что в греческом *ἄρχων* есть идея старшинства, верховенства (она же считывается в приставке *ἀρχι*), но нет идеи властвования и подчинения. Речь идет о первенстве среди равных, о руководстве в политическом коллективе, но ни в коем случае не о собственности и не о распоряжении рабами. Иначе говоря, слово *ἄρχων* содержит идею *первенства*, но не *господства*.

В церковнославянском тексте на месте *princeps exercitus* и, соответственно, *ἀρχιστράτηγος* оказывается «воевода», замененный позже, в Синодальном переводе, «военачальником»; в местах, параллельных

princeps sacerdotum, в церковнославянском тексте ожидаемо стоит «архиерей», а в Синодальном переводе — «первосвященник». Но наиболее распространенным вариантом перевода греческого *ἀρχων* в церковнославянском тексте является «князь» и, изредка, «начальник». В Синодальном переводе частотность употребления этих двух слов поменяется на обратную: «князь» будет встречаться разве что изредка, тогда как «начальник» — регулярно.

Здесь самое время перейти ко второй половине терминологического расследования, а именно к государю. С одной стороны, принимая во внимание все сказанное выше о принадлежности Фомы к богословской традиции, можно просто постулировать, что перевод *princeps* как «государь» неверен, ибо стоит вне традиции. С другой стороны, такое заявление будет лишь уходом от проблемы — оно не прояснит причин, по которым переводчик выбрал для перевода данное слово, а значит, не откроет никаких возможностей для продвижения вперед. Следовательно, нам прежде всего надо разобраться в том, почему для перевода латинского *princeps* было выбрано русское слово *государь* и чем этот перевод был обусловлен.

Этимологически понятие «государь» восходит к слову «господин» через южнорусскую форму «господарь». Истории появления и закрепления этого понятия в русском политическом языке посвящено немало исследований²⁰, так что я позволю себе на этом не останавливаться. В центре моего внимания будет другой вопрос: насколько «государь» может рассматриваться в качестве языкового эквивалента понятия «князь», которому, как было показано выше, наиболее соответствует латинское *princeps*? Начать следует с рассмотрения все того же языка Священного Писания. В Синодальном переводе Библии термин «государь» встречается, хотя и не часто, в общей сложности не больше 30 раз. Гораздо больше там распространен, что естественно, этимологически родственный ему «господин», который достаточно широко представлен и в церковнославянском тексте. В том же церковнославянском тексте, кстати сказать, «государь» отсутствует полностью, что заставляет предположить, что это слово в русскоязычном пространстве не относится к богословской лексике.

Тем не менее в тех случаях, когда «государь» или «господин» встречаются в русском тексте Библии, они последовательно соответствуют греческому *κύριος* и латинскому *dominus*. Это, в свою очередь, позволяет сделать некоторые выводы о семантике данного понятия в контексте Писания. И греческий, и латинский термины (особенно латинский) подразумевают, во-первых, полное подчинение подвластных своему господину, во-вторых, наличие у него прав обладания, владения подвластными людьми. Подразумевается также наличие у *господина* (или у *государя*) полной, безотносительной власти над подвластными, граничащей опять-таки с правом собственности на них. Власть *господина* или *государя* подобна власти Господа, на что указывает и терминологическое единство.

²⁰ См., напр. Золтан 2002; Толстиков 2002; Хархордин (ред.) 2002; Ingerflom 2015, 2016.

Если в текстах богословской традиции нет прецедентов перевода латинского понятия *princeps* русским «государь», значит, нужно искать где-то еще. Первая область поисков, приходящая на ум, — это, конечно, дипломатическая документация максимально раннего периода, где имеет смысл попытаться найти двуязычные пары нужных нам терминов. Однако, как показывает Андраш Золтан, в литовских, польских и западнорусских грамотах второй половины XIV — начала XV в. присутствует вполне четкий лексический параллелизм: латинское *dominus Russiae* передается как «господарь русской земли»²¹, тогда как русское «князь» служит аналогом латинских *princeps* или *dux*. О параллелях между *господарем*, *государем* и *dominus* в середине XV — начале XVI в. пишет и Клаудио Ингерфлом²². Михаил Киселев, напротив, утверждает, что слово «государь» могло служить обобщающим обозначением любого самовластного правителя, будь то царь или князь, поскольку «государь — это не про титул, это про характер власти»²³. Этому, как представляется, несколько противоречит мнение того же исследователя, согласно которому понятие «государь» имеет оттенок частной собственности, тогда как *царь* (и, добавлю, *князь*) изначально выступает публично-правовой фигурой²⁴. Таким образом, сфера дипломатии и связанных с ней дипломатических переводов тоже остается за бортом принятого исследования.

Остается лишь вслед за Киселевым и рядом других авторов обратиться к переводам теоретических трактатов о правлении, политике и праве, выполненным в России на протяжении XVI—XIX вв. Здесь очень многое зависело от того, во-первых, с какого языка переводился текст и, во-вторых, какая культурная традиция стояла за переводимым текстом. Как правило, в XVI—XVII вв. термин *princeps* устойчиво передавался на московском русском языке понятием «князь», однако бывали и интересные исключения. Так, в 1663 г. в переводе ответов четырех вселенских патриархов на вопросы о царской власти и власти патриарха был приведен перевод известной фразы римского юриста Домиция Ульпиана: «то, что было угодно принцепсу, имеет силу закона»²⁵. В русской версии она превратилась в утверждение: «Царю угодное, закон и устав есть»²⁶. Конечно, здесь мы имеем дело не с прямым переводом с латыни на русский, а с опосредованным греческим языком, что и обусловило появление «царя» — прямого перевода греческого βασιλεύς. Но, в свою очередь, употребление этого греческого слова для перевода рассматриваемого латинского термина можно объяснить лишь тем, что исходный текст относился к правовой традиции Римской империи, а соответственно, *princeps* в нем означал императора.

Перемены начинают потихоньку накапливаться с начала XVIII в., когда в поле возможных переводных значений для *princeps* попадает уже не только «князь», но и «властелин», а иногда «царь» и даже «государь». Впрочем, как было отмечено, это был первый этап долгого и неторопливого процесса. Так, в «Лексиконе трехязычном...» Федора Поликарпова-Орлова²⁷, опубликованном в Москве в 1704 г., понятию «князь»

²¹ Золтан 2002: 558—562.

²² Ingerflom 2013.

²³ Данная точка зрения была высказана Киселевым в ходе обсуждения, развернувшегося на моей странице в социальной сети Facebook. См. https://www.facebook.com/alexander.marey/posts/2099676410049598?comment_id=2099731346710771&reply_comment_id=2100068566677049&comment_tracking=%7B%22in%22%3A%22R9%22%7D.

²⁴ Киселев 2013: 28.

²⁵ D.I. 4.1 Ulp.

²⁶ Киселев 2012: 58.

²⁷ Орлов 1704.

сопоставлено не только уже привычное *princeps*, но еще *dux* и отчего-то *tribunus plebis*. Понятию «господин» сопоставлено латинское *dominus*, зато слову «господарь» («государь» в «Лексиконе...» отсутствует) соответствует относительно редкая латинская словоформа *dominator*, вызывающая не самые приятные ассоциации. Аналогичную тенденцию к смешению понятий можно обнаружить и в анонимном рукописном переводе одного из наиболее известных антимакиавеллистских трактатов — «Commentariorum de regno libri tres» Инносана Жантийе, — осуществленном около 1710 г.²⁸ Буквально на соседних страницах неизвестный переводчик передает понятие *princeps* то как «князь», то как «властелин» («Principio igitur summi Principis duplicē esse potestatem vel ex ipsis Iurisconsultis constat. Unam Absolutam, sive Solutam, alteram Civilem appellant» = «Во первых убо превысочайшего кн[я]з[я] две власти от самих советников позноватся. Едину свободную вторую гражданскую именуют»; «Principi quoque fundamentales principatus sui leges antiquare minime licet» = «Кн[я]з[я] такожде утвержденного княжения устави всячески забывать неподобае»; но: «Nas ambage significantes, Principem hominis & bestiae natura[m] simul induere debere» = «Тими притчами знаменовали иже должен властелин облектиса купно в ч[e]л[о]веческое и скотское естество»). То же самое смешение «князя» и «властелина» можно найти и в переводе еще одного политического бестселлера той эпохи. Трактат Диего де Сааведры Фахардо «Idea de principe político» на русский переводился дважды — Андре Дикенсоном в 1690-х годах и Феофаном Прокоповичем около 1709 г. В первом варианте *princeps* передано русским «князь», во втором — «властелин»²⁹. Наконец, Симон Кохановский, сделавший к 1721 г. два рукописных перевода — трактата «О праве естественном и международном» Самуила Пуфендорфа и «Политики» Юста Липсия, — тоже переводит слово *princeps* по-разному («князь», «царь», «государь»), отдавая, впрочем, предпочтение термину «князь»³⁰.

Тогда же, в первой половине XVIII в., на русский язык впервые было переведено сочинение Никколо Макиавелли «Il Principe». Рукописный перевод был сделан, по всей видимости, по заказу еще Петра I и хранился в личной библиотеке князя Дмитрия Голицына³¹. Забегая вперед, можно с известной долей уверенности утверждать, что именно этот трактат и оказал наибольшее влияние на существующую и поныне традицию перевода *princeps* как «государь». Будучи поначалу лишь одним из многих текстов, переведенных на русский язык (ведь существовали рукописные или даже печатные переводы Траяно Боккалини, Липсия, Пуфендорфа, Сааведры Фахардо, Жантийе и других авторов), к середине XIX в. он стал если и не единственным, то, бесспорно, наиболее заметным. Из многочисленных переводов XVIII столетия в следующий век перешли, увы, далеко не все.

Тогда же, в середине и второй половине XVIII в., трактат Макиавелли хотя и был, несомненно, значим, общего направления переводческой мысли не определял. Даже в переводе его названия не было

²⁸ За приведенные ниже цитаты я благодарен Сергею Польскому, щедро поделившемуся со мной материалами своего проекта «Трансфер европейских общественно-политических идей и переводческие практики в России XVIII в.», реализуемого в Германском историческом институте (Москва).

²⁹ Алексеев 1964.

³⁰ За информацию о терминологии перевода Кохановского я благодарен моим коллегам Андрею Костину (ИРЛИ РАН, НИУ ВШЭ СПб) и Сергею Польскому (НИУ ВШЭ).

³¹ Юсим 2011: 306.

единства. Упомянутый перевод из библиотеки Голицына был озаглавлен «Государь». Аналогичное название фигурирует в переводе знаменитого «Анти-Макьявелли» Фридриха II, сделанном в 1779 г. Яковом Хорошкевичем. Однако тот же Хорошкевич в подстрочных примечаниях к названиям глав трактата глоссирует понятия «государь» и «государство» через соответственно «князь» и «княжество»³². А несколькими годами ранее, в 1770 г., Яков Козельский, переводя статьи из Энциклопедии на этико-политические темы, передает заглавие трактата Макиавелли как «Принц»³³. Еще чуть раньше, но, безусловно, в ту же эпоху, в 1761 г., анонимный переводчик «Писем о России» (или «Руссиянских писем») Фридриха Генриха Штрубе использует для передачи французского *prince* два понятия: «монарх» и «князь». При этом примечательно, что, подбирая слова для перевода, он категорически воздерживается от *государя*. Этим словом он передает латинское *dominus*, а также французские *maitre* и *seigneur*, которыми Штрубе, в свою очередь, описывает господина над рабами³⁴. Это наблюдение возвращает нас к приведенному выше мнению Киселева о преимущественно частноправовых коннотациях понятия «государь» — в противовес публично-правовым понятию «царь»³⁵.

В XIX в. ситуация в области теоретико-политического перевода заметно изменилась. Подавляющая часть текстов, переведенных в предыдущем столетии, там и осталась, не перейдя в новый век. Один из немногих политических трактатов, не только переиздававшийся и переводившийся снова и снова, но и постоянно возбуждавший споры и обсуждения, — это, безусловно, «Il Principe» Макиавелли. Его судьба в интеллектуальной культуре России была подробно и в деталях проанализирована и описана Марком Юсимом³⁶, поэтому я позволю себе не останавливаться на ней дольше необходимого. Отмечу лишь, что в XIX в. на русский язык «Il Principe» переводился дважды, причем оба перевода вышли в 1869 г. Один из них, сделанный с итальянского оригинала Николаем Курочкиным, был озаглавлен «Государь», второй, выполненный Федором Затлером с немецкого перевода, получил в русской версии название «Монарх»³⁷. Переводу Курочкина была суждена долгая и счастливая жизнь, так как до 2002 г. он оставался, по сути, единственным переводом «Государя» на русский язык с языка оригинала. Только в начале нынешнего столетия появился новый аналогичный перевод, сделанный Юсимом. Впрочем, и в переводе Юсима трактат сохранил название «Государь», закрепившееся за ним, по-видимому, уже окончательно.

³² См., напр. Фридрих II 1779: 1—3.

³³ Козельский 1770: 228.

³⁴ Бугров и Киселев 2016: 360; Strube de Piemont 1760: 96—97, *infra a.*

³⁵ Киселев 2013: 28.

³⁶ Юсим 2011.

³⁷ Разбор обоих переводов см. Там же: 395—397.

И все-таки князь!

Примеры из переводных текстов можно было бы множить и дальше, но, думаю, в этом нет необходимости. Базируясь на приведенных аргументах, можно с уверенностью утверждать, что в XVIII в. традиция переводить *princeps* как «князь» пошатнулась, но в целом устояла. Ослабление ее может быть связано с рядом обстоятельств. С одной стороны, с установлением в России абсолютной монархии, а с 1721 г. — и империи само слово «князь» претерпело существенные изменения.

Из обозначения реального политического лидера оно превратилось в один из титулов высшей аристократии империи, причем зачастую никак не соотносившийся с подлинным политическим влиянием и властью. С другой стороны (и это, на мой взгляд, стало ключевым фактором для закрепления в переводных политических трактатах связки *princeps — государь*), само понятие «князь» не предполагает единственности. Князь, как правило, представляет собой лишь один из множества возможных локусов власти и политического господства, в то время как *государь* тяготеет к безусловному единству. Иначе говоря, князей может быть много, тогда как государь должен быть один.

XIX столетие принесло с собой глубокие перемены в политической культуре, усугубившие ситуацию, сложившуюся к середине екатерининского царствования. Прежде всего, как уже отмечалось, в XIX в. попали совсем не все переводные тексты из века XVIII-го. Что-то, разумеется, переиздавалось, что-то читали в старых изданиях, но основной их массив остался невостребованным. Одну из основных причин этого следует искать, разумеется, в серьезнейших изменениях в сфере языка, особенно литературного, датируемых первой третью XIX в. Написанные тяжелым, неповоротливым, во многом неумелым слогом, переводные трактаты XVIII столетия не имели никаких шансов выжить на книжном рынке нового века. Кроме того, образованные люди читали многие трактаты на языках оригиналов, что, безусловно, обогащая их лично, обедняло отечественную политическую культуру в целом.

Сыграло свою роль и еще одно обстоятельство, настолько очевидное, что о нем редко говорят и вспоминают. Среди читавшихся и переведившихся как в XVIII, так и в XIX в. политических трактатов практически не было текстов, созданных в эпоху Средних веков. По большей части читали и переводили если и не современников (что было предпочтительнее всего), то недавних предшественников. В результате сложилась довольно странная и противоречивая ситуация. У нас были известны классические труды по теории политики и права Нового времени, но зияла огромная лакуна в области знаний о Средних веках. Единственным исключением (да и исключением ли?) был поминавшийся выше Макиавелли. Взяв «вершки» европейской политико-правовой культуры и приспособив их в меру сил и возможностей к своим нуждам, мы не взяли себе ее «корешков». И то знание, которое европейским авторам представлялось само собой разумеющимся (кто такие *principes*, было прекрасно известно практически любому европейцу, писавшему об этом в XVI—XVIII вв.), для нас оставалось *terra incognita*.

Соответственно, когда в конце уже XX столетия был предпринят перевод на русский язык трактата «De regimine principum», переводчик, что называется, по умолчанию воспринял единственную существовавшую у нас традицию перевода. Традицию, подразумевавшую единство политического субъекта и политического же господства, традицию, в рамках которой была лишь одна форма правления — *государство*³⁸ — и лишь один образ политического руководителя — *государь*. Мне

³⁸ Киселев 2013: 26.

представляется, что от этой традиции пора отказываться — хотя бы потому, что она уже сильно устарела. Мы не можем вернуться в Средние века и посмотреть, как оно там все было, но мы можем понять средневековую культуру и постараться адекватно отразить ее в наших текстах. Множественность юрисдикций, множественность политических субъектов, отсутствие между ними четкой, институционально закрепленной иерархии и, наоборот, наличие развитой системы связей личной верности и преданности, не предполагавшей при этом подхода к управляемым сообществам как к своей собственности, — все это ясно указывает на то, что перед нами не государи. Перед нами мир князей, над которыми в перспективе можно вообразить себе и фигуру *государя*.

**Лицемерный
государь.
Вместо
заклучения**

³⁹ Павловский
2003.

⁴⁰ Там же.

Неожиданно остро вопрос о том, кто такой и что такое *princeps*, считать ли его государем, а если нет, то почему, встал в последние полтора десятилетия в отечественном информационном пространстве. Практически ровно 15 лет назад, в конце октября 2003 г., в своем выступлении на заседании клуба «Открытый форум» Глеб Павловский, тогда — главный редактор «Русского журнала», назвал Владимира Путина «демократическим принцепсом»³⁹. Буквально в следующем предложении он продолжил метафору, заявив: «Выйдя за конституционные пределы, его принципат потеряет свою легитимность, а тем самым и свое доминирование»⁴⁰. Отмечу, прежде чем продолжать, что Павловский по праву считается одним из наиболее образованных и ярких политических теоретиков в России. В отличие от многих других подвизающихся на ниве политического анализа, он тщательно следит за языком и говорит, как правило, именно то, что хочет сказать, и теми словами, которыми хочет, чтобы это было сказано. В данном случае Павловский совершенно четко выстраивает образ Путина по аналогии с образом Октавиана Августа — пожалуй, единственного «демократического принцепса» в истории Рима.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

«Чудовищная популярность» путинской власти (напомню, что разбираемое выступление относится к первому сроку Путина) выводится Павловским из «демократического взрыва, взрыва общественного доверия»⁴¹. Он рисует образ президента, выдвинувшегося вперед за счет собственной *auctoritas*, тогда как в *potestas* он пока еще равен своим коллегам по власти. Видно в выступлении Павловского и понимание того, чем кончится подобное возвышение, если общество не возьмет «процесс демократии в свои руки, вежливо объяснив своему лидеру Путину, что именно ему надо делать»⁴².

Использованная Павловским метафора оказалась очень популярной и даже прилипчивой. На протяжении последующих 15 лет Путина принцепсом не называл только ленивый, причем зачастую этот образ заимствовали те люди, которых Павловский, полагаю, не воспринимал даже как потенциальную свою аудиторию. Но, прежде чем переходить к обсуждению подобных высказываний, позволю себе еще одно

короткое замечание об этом выступлении. Павловский, и это очевидно, берет термин «принцепс» из римской республиканско-имперской парадигмы (потому он его, кстати, и не переводит). То есть принцепс предстает выборным правителем, вознесенным к вершинам власти по воле народа и удерживающимся там в силу своего личного авторитета. Когда же десятью годами позже, в 2014 г., Павловский опубликует небольшую, но важную книжечку с подзаголовком «De principatu debili»⁴³, он уже будет использовать понятия *princeps* и *principatus* в парадигме Макиавелли, передавая их на русском языке понятиями «князь / принц» и «княжество».

⁴³ Павловский
2014.

Образ Путина как Октавиана Августа, отца-основателя Принципата, приобрел, как уже говорилось, чрезвычайную популярность в общественном сознании. Сопоставимой популярности сумело добиться разве что сравнение Путина с Наполеоном III, хотя оно, по понятным причинам, чаще использовалось в ругательных или уничижительных контекстах. Тем интереснее посмотреть, какие перемены в отечественном узусе претерпел этот образ *принцепса* в применении его к действующему главе государства. Приступая к краткому обзору высказываний о Путине как о принцепсе, сделаю лишь одну вполне очевидную оговорку. Эта метафора живет в режиме «мерцания», активизируясь сначала раз в четыре года, а затем раз в шесть лет, либо накануне очередных президентских выборов, либо сразу после них. Единственной выпадающей точкой стали события 2014 г., тоже породившие волну «исторических» сопоставлений.

Так, в 2006 г. на портале «Правая.ру» вышел важный текст Алексея Чеснокова и Михаила Тюренкова, озаглавленный «Президент Путин как Принцип». Слоганом статьи выступила фраза: «Либо Путин уйдет в никуда, либо, совершив Поступок и реализовавшись как Принцип, станет Принцепсом»⁴⁴. Статья была написана незадолго до старта предвыборной кампании президента, и основным тезисом, муссировавшимся в ней, был тезис о третьем сроке Путина, а точнее, о «Принципе Президента Путина». Дабы не пересказывать весь текст, скажу сразу, что принцип этот виделся авторам в том, что, поскольку Россия представляет собой православную империю, более того, Катехон, Путин должен переступить через собственные чисто человеческие качества и пристрастия и принять свое предназначение, то есть императорскую корону.

⁴⁴ Чесноков
и Тюренков 2006.

Как и в случае с выступлением Павловского, для авторов данного текста аналог Путина — это Октавиан Август. Однако в трактовке самого этого образа они с Павловским расходятся, и расходятся сильно. Не углубляясь в детали (крайне спорное отождествление преторианцев со спецслужбами, апология силовых ведомств и т.д.), отмечу, что если Павловский воспринимает понятие «принцепс» как часть республиканско-имперской римской традиции, то Чесноков с Тюренковым считают «принцепса» как элемент христианской богословской парадигмы, то есть как строителя вертикали власти и, еще сильнее, Катехона, Удерживающего (ср.: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь»⁴⁵). Это, что естественно, приводит к все большему расхождению в интерпретации

⁴⁵ 2 Фес. 2:7

исходного понятия: там, где с одной стороны оказывается республиканский лидер, принимающий на себя полномочия от имени народа (или «общества», если угодно), с другой встает сакральная фигура правителя — предстоятеля за свой народ.

Помимо этого, безусловно, яркого высказывания, упомяну еще два, совпадающих по времени со статьей Чеснокова и Тюренкова. В 2007 г. на сайте радио «Свобода» было опубликовано интервью петербургского политолога и журналиста Валерия Островского, посвященное Анатолию Собчаку и Путину как его преемнику. В этом тексте, отвечая на вопрос интервьюера, Островский утверждал, что «если проводить исторические аналогии, то <...> Собчак — это своего рода Кай Юлий Цезарь, а Путин — это своего рода Октавиан Август, наследник Цезаря, но установивший иную систему правления, уже не столько республиканскую, сколько близкую принципату такому»⁴⁶. Здесь обращает на себя внимание, конечно, не столько уже привычное отождествление Путина и Октавиана, сколько выбор Собчака как человека, передавшего Путину власть. Вообще, в метафоре «Путин — Август» место Цезаря, как правило, оставляют вакантным, что, как мне кажется, не случайно. Акцент что в «республиканской», что в «сакральной» трактовке делается не на преемстве убитому Цезарю (иначе придется вспоминать много неприятного), а на деятельности самого Октавиана, точнее даже, на его политическом строительстве. Фигура же Юлия Цезаря не вписывается во в целом положительный образ Октавиана Августа, поскольку, повторю, тянет за собой неоднозначный и довольно кровавый шлейф ассоциаций.

⁴⁶ Собчак 2007.

Наконец, еще одно высказывание 2007 г. принадлежит достаточно известному левому экономисту и политологу Василию Колташову, в своем тексте «Президентский принципат: унитарная монархия в России» тоже сравнившего режим Путина с Принципатом Августа⁴⁷. Безнадежно модернизируя картину Римской империи (в частности, постулируя наличие там разделения властей, институтов государства и т.д.), Колташов прямо отождествляет современную Россию с Римом времен Августа и усматривает корень зла нашего политического устройства в унитарной форме как таковой. Заканчивается текст то ли лозунгом, то ли пророчеством: «Политический строй России — Президентский принципат — неминуемо рухнет, опрокинутый снизу»⁴⁸.

⁴⁷ Колташов 2007.

⁴⁸ Там же.

Таким образом, если в исходной метафоре, предложенной Павловским в 2003 г., основной акцент делался на республиканской сущности принципата и необходимости ограничения власти принцепса народным (общественным) контролем, то в текстах 2006—2007 гг. наблюдается иная расстановка акцентов. Принцепс воспринимается уже непосредственно как император, дальнейший взгляд на которого зависит от точки зрения смотрящего: либо мы видим перед собой предстоятеля-катехона, либо фактически узурпировавшего власть авторитарного правителя, чей режим обречен на падение.

В следующий блок я позволю себе объединить несколько высказываний 2011—2014 гг., поскольку они в основном не противоречат

друг другу, а структурных перемен в восприятии понятия «принципс» в этот период не замечено. Для анализа выбраны редакционная колонка «Независимой газеты» от 29.01.2011 под названием «Принципат Путина»⁴⁹, запись «Паханат Путина» в блоге Юрия Магаршака от 18.05.2012⁵⁰ и три материала 2014 г.: запись «Принципат Владимира Путина» в ЖЖ блогера BoomZoomer⁵¹, статья Антона Черного (user Мухомор) «Принципат Путина», опубликованная на портале Aftershock⁵², и запись в ЖЖ Александра Зотова «Октавиан — Путин: Аве Цезарь! Уроки истории...»⁵³.

Всем перечисленным текстам присуще несколько общих моментов. Прежде всего, все отобранные авторы режим Владимира Путина оценивают как авторитарный и, соответственно, выстраивают аналогии с Римом. О том, что Октавиан получает власть из рук народа и Сената, уже не вспоминает практически никто. Напротив, сразу в нескольких текстах даже не сквозит, а напрямую звучит тема политической лжи в эпоху Принципата. Такое совпадение не может не обращать на себя внимание.

Например, вот выдержка из редакционной колонки «Независимой газеты»: *«Молодой благополучный римский военачальник Октавиан в 27 году до н.э. приходит к руководству страной, которая устала от гражданских войн, от проблем. И вскоре становится императором Цезарем Августом — как бы первым среди равных. Он говорит, что надо прекратить разврат. А разврат в империи процветает. Он говорит о свободе. А никакой свободы нет. Говорит о демократии. А на самом деле строит диктатуру. Цезарь Август оставался фактическим вождем Рима, Отцом Отечества в течение десятилетий, несмотря на то что занимаемые им формальные должности менялись в соответствии с процедурами демократии и сроками полномочий»*⁵⁴. Вот — из статьи Черного: *«Принципат можно описать кратко так: монарх делает вид, что он не монарх, сенат делает вид, что он сенат, и только народ все еще искренне верит, что он народ и что-то решает»*⁵⁵. А вот — из записи Зотова: *«Октавиан будет на людях благосклонно кивать оппонентам. А ночью — они станут исчезать. Исчезнут и многие олигархи — в дальних провинциях: без состояния и возможности возвратиться. Зачем свободным римлянам диктат олигархии? Он станет устраивать бутафорские выборы, получать пышные титулы „трибуна“, „отца отечества“. Но власть сосредоточит только в своих руках. Зато народное представительство обретет вполне законный вид: голосование, конституция, отчеты и народные собрания. И — никаких потрясений и гражданских войн. „Спокойствие и стабильность.“ — вот главный лозунг Октавиана Августа»*⁵⁶.

В последнем тексте, как мы видим, выдвигается обвинение не только во лжи, но и в истреблении политических оппонентов. В целом же все три текста характеризуют режим Августа как основанный

⁴⁹ *Принципат 2011.*

⁵⁰ <https://echo.msk.ru/blog/ym4/889978-echo>.

⁵¹ <https://boomzoomer.livejournal.com/167942.html>.

⁵² *Черный 2014.*

⁵³ <https://o-alexandr75.livejournal.com/146058.html>.

⁵⁴ *Принципат 2011.*

⁵⁵ *Черный 2014.*

⁵⁶ <https://o-alexandr75.livejournal.com/146058.html>.

на обмане и подмене понятий. При этом, и это еще одна любопытная черта, общая для всех рассматриваемых текстов, аналогия Путина и Октавиана даже не рефлексируется. Она постулируется как очевидная, без пояснений, почему она вообще возможна, без анализа фактов. Пара «Путин — Октавиан Август» уже прочно закреплена в сознании авторов, а значит, можно предположить, что и в сознании их читателей.

Любопытно и использование здесь понятия «принцепс». Этим словом обозначается авторитарный правитель, присвоивший себе (как правило, ложью) огромный спектр полномочий и распоряжающийся ими по своему усмотрению и в собственных целях. В качестве ключевых особенностей подобного строя — и это тоже кочует из текста в текст — называются проблема преемства, зачистка политического поля, устранение неугодных, политическая стабильность. То есть перед нами уже не республиканский лидер, выдвинувшийся вперед благодаря своему авторитету, и не предстоятель за свой народ перед Богом. Можно с уверенностью утверждать, что аналогия с Октавианом нужна авторам лишь потому, что этот персонаж римской истории известен, пожалуй, всем без исключения. Вместе с тем знания о его эпохе на обыденном уровне обрывочные, фрагментарные, легко поддающиеся «доработке» и «достройке» в нужном направлении. За счет этого страдает и понятие «принцепс»: оно переходит из политического языка в обыденный, теряет фиксированные значения, размывается. Основной же его чертой, опять же кочующей из текста в текст, становятся лицемерие и ложь⁵⁷.

⁵⁷ *Здесь не место и не время подробно говорить об авторитете как об одном из структурирующих понятий политического поля. Поэтому скажу лишь, что появление «лицемерия» как политической характеристики Принципата становится возможным лишь вследствие абберации концепта авторитета, потери им подобающих ему позиций.*

⁵⁸ Сурков 2017.

Эта же характеристика Принципата и, следовательно, принцепса оказывается базовой для Владислава Суркова в его нашумевшей статье «Кризис лицемерия», опубликованной в начале ноября 2017 г. на портале RT⁵⁸. По его утверждению, *«императоры не называли себя царями, не желая оскорблять память о республике, но они были царями. И это обновленное лицемерие еще на несколько веков продлило жизнь римскому миру»*. Применительно к данному тексту любопытными кажутся два момента. Во-первых, очевидно, что в глазах бывшего первого заместителя руководителя Администрации Президента лицемерие не является пороком. Напротив, оно является необходимым качеством для политика, желающего добиться успеха. При этом он совершенно неверно трактует этот термин в русском языке и, похоже, плохо представляет себе его понятийное поле в английском, откуда его и берет. Во-вторых, Сурков по-прежнему выступает апологетом вертикали власти, противопоставляя ее «цветущей сложности» режимов республиканских и демократических. Именно «сильная рука», с его точки зрения, способна вывести «растерянные толпы» из хаоса. Соответственно сказанному трансформируется и фигура принцепса. Сурков, по сути, окончательно срывает флер республиканизма с фигуры правителя: тот не называется царем, но является им *de facto*. Понятие «принцепс» тем самым приравнивается в тексте к понятию «царь». Ну что же, этот ход мы уже видели — примерно в XVIII в.

Завершить этот разговор я хочу образом из того же текста Суркова. Апеллируя к «общественному договору», Сурков презрительно замечает, что тот был написан «распадающимся политическим языком». Я не уверен, что общественный договор пора уже хоронить, но речь сейчас не о нем, а о нашем политическом языке, точнее, о том, каким ему следует быть.

Очевидно, что политический язык служит конституирующим элементом (или, по крайней мере, одним из таких элементов) политического сообщества. Очевидно также, что язык, в том числе политический, представляет собой живой, развивающийся и растущий организм. Можно пренебрегать заботой о нем, пользоваться им бездумно, но тогда не нужно удивляться тем уродливым формам, которые принимает наша политическая культура. Можно же, напротив, пестовать его, работать над ним, выращивать его основные понятия и окружать их не дикой порослью бездумного говорения, но тщательно отобранными побегами вспомогательных, боковых понятий и терминов. Покажу это на примере понятия, выбранного для исследования в данной статье. Если собрать воедино все значения понятия «принцепс», существующие в сегодняшнем политическом дискурсе, то мы получим *государя*, который живет главным образом за счет лицемерия и обмана, но при этом мудро и справедливо руководит своим народом. Иначе говоря, мы получим бессмыслицу. Для того же, чтобы избежать ее, нужна долгая и тщательная работа над нашим политическим языком, собирающая и отстраивающая его.

Библиография

- Автономова Н.С. (2008) *Познание и перевод: Опыт философии языка*. М.: РОССПЭН.
- Алексеев М.П. (1964) *Очерк истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв.* Л.: ЛГУ.
- Ауров О.В. и Е.С.Марей, ред. (2017) *Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V — начало VIII в.): Исследования и переводы*. М.: Дело.
- Бугров К.Д. и М.А.Киселев. (2016) *Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Воскобойников О.С. (2014) *Тысячелетнее царство (300—300): Очерк христианской культуры Запада*. М.: Новое литературное обозрение.
- Золтан А.К. (2002) «К предыстории русск. „государь“» // Литвина А.Ф. и Ф.Б.Успенский, сост. *Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь*. М.: Языки славянской культуры: 554—590.
- Иероним Стридонский. (1894) *Творения блаженного Иеронима Стридонского. Т. 2: Письма Иеронима*. Киев: Киевская духовная академия.

Киселев М.А. (2012) «Правда и закон во второй половине XVII — первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю» // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М.: Новое литературное обозрение: 49—65.

Киселев М.А. (2013) «Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII — первой четверти XVIII века» // *Исторический вестник*, № 6: 18—53.

Козельский Я. (1770). *Статьи о нравоучительной философии и частях ея: Из Энциклопедии перевел коллежской советникъ Яковъ Козельской*. Ч. II. СПб.: При императорской Академии наук.

Колташов В.Г. (2007) *Президентский принципат: унитарная монархия в России*. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/102380/Koltashov_-_Prezidentskii_principat__unitarnaya_monarhiya_v_Rossii.html (проверено 03.05.2018).

Куренной В.А. (2005) «Как сделать наши переводы ясными» // *Логос*, № 2 (47): 72—82.

Озеки-Депре И. (2011) «О соотношении между герменевтикой и переводом» // *Логос*, № 5—6 (84): 50—60.

Орлов Ф.П. (1704) *Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, эллино-греческих и латинских сокровищ из различных древних и новых книг собранное и по славянскому алфавиту в чин расположенное*. М.: Царская типография.

Павловский Г.О. (2003) «Путин — демократический принцип: Выступление на заседании клуба „Открытый форум“» // *Русский журнал*, 26.10. URL: http://old.russ.ru/politics/20031029_pavlovsk.html (проверено 03.05.2018).

Павловский Г.О. (2014) *Система РФ в войне 2014 года: De Principatu Debili*. М.: Европа.

«Принципат Путина». (2011) // *Независимая газета*, 29.01. URL: http://www.ng.ru/tenyears/2011-01-29/100_putin.html (проверено 03.05.2018).

«Собчак — это Кай Юлий Цезарь, а Путин — это Октавиан Август, наследник Цезаря». (2007) // *Радио Свобода*, 11.08. URL: <https://www.svoboda.org/a/406636.html> (проверено 03.05.2018).

Срединская Н.Б. (1990) «Трактат Фомы Аквинского „О правлении государей“» // *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI—XVII вв.)*. Л.: Наука: 217—243.

Стецюра Т.Д. (2010). *Хозяйственная этика Фомы Аквинского*. М.: РОССПЭН.

Сурков В. (2017) «Кризис лицемерия. „I hear America singing“» // *RT*, 7.11. URL: <https://russian.rt.com/world/article/446944-surkov-krisis-licemeriya> (проверено 03.05.2018).

Толстикова А.В. (2002) Представления о государе и государстве в России второй половины XVI — первой половины XVII века // *Одиссей: Человек в истории*. М.: Наука: 294—310.

Фридрих П. (1779) *Анти-Макиавель, или Опыт возражения на Макиавелеву науку о образе государственного правления, сочинень*

ныне славно владеющимъ королем прусским Фридрикомъ II / Пер. Я.Хорошкевича. СПб.: Типография Государственной военной коллегии.

Хархордин О.В., ред. (2002). *Понятие государства в четырех языках*. СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Черный А. (2014) «Принципат Путина» // *Aftershock*, 9.09. URL: <https://aftershock.news/?q=node/256384&full> (проверено 03.05.2018).

Чесноков А. и М.Тюренов. (2006) «Президент Путин как Принцип» // *Правый взгляд*, 29.09. URL: <http://pravaya.ru/look/9095> (проверено 03.05.2018).

Цицерон М.Т. (1901) *Полное собрание речей в русском переводе (отчасти В.А.Алексеева, отчасти Ф.Ф. Зелинского): В 2 т. Т. 1* / Ред., введ. и примеч. Ф.Зелинского. СПб: А.Я.Либерман.

Шаблага И.Ю. (2010) «Трактат Леонардо Бруни „О правильном переводе“» // *Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода*, № 1: 27–65.

Шпет Г.Г. (2008–2009) [1922] *Очерк развития русской философии. Ч. 1–2*. М.: РОССПЭН.

Юсим М.А. (2011). *Макиавелли: Мораль, политика, фортуна*. М.: Канон+.

Blythe J.M. (2009a) *The Life and Works of Tolomeo Fiadoni (Ptolemy of Lucca)*. Turnhout: Brepols.

Blythe J.M. (2009b) *The Worldview and Thought of Tolomeo Fiadoni (Ptolemy of Lucca)*. Turnhout: Brepols.

Blythe J.M. and J. La Salle. (2005) «Was Ptolemy of Lucca a Civic Humanist? Reflections on a Newly-discovered Manuscript of Hans Baron» // *History of Political Thought*, vol. 26, no. 2: 236–265.

Buc P. (1994) *L'ambiguïté du livre: Prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Age*. Paris: Beauchesne.

Ingerflom C.S. (2013) «„Loyalty to the State“ under Peter the Great? Return to the Sources and the Historicity of Concepts» // Bullock Ph.R. et al., eds. *Loyalties and Solidarities in Russian Society, History and Culture*. London: School of Slavonic and East European Studies: 3–19.

Ingerflom C.S. (2015) *Tsar c'est moi, l'imposture permanente d'Ivan le Terrible à Vladimir Poutine*. Paris: PUF.

Ingerflom C.S. (2016) «Theoretical Premises and Cognitive Distortions from the Uncritical Use of the Concept of „State“: the „Russian“ Case» // Garavaglia J.C., C.Lamouroux, and M.J.Braddick, eds. *Serve the Power(s), Serve the State: America and Eurasia*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing.

Strube de Piermont F.H. (1760) *Lettres Russiennes*. Saint-Pétersbourg: Académie des sciences.

A.V. Marey

ABOUT PRINCES AND SOVEREIGNS

Alexander V. Marey — Ph.D. in Law; Associate Professor at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University *Higher School of Economics*. Email: fijosdalgo@gmail.com.

Abstract. The article deals with a seminal problem of the meaning of political terms, in particular, an adequate translation into Russian of the political language of the European Middle Ages. On the example of the term *princeps*, the author demonstrates that, in contrast to the texts of the Modern and Contemporary History, to which techniques developed by various translation theorists are applicable, medieval texts need a different approach. It should include not only clarification of the conceptual framework of the translated text, but also clarification of the conceptual apparatus of a translator herself.

On the basis of the analysis of the political and theological discourse of Thomas Aquinas and Ptolemy da Lucca, the author comes to the conclusion that the medieval language model was dominated by the language of the Holy Scripture, where the term *princeps* usually referred to a direct subordinate to a *dominus*. In those rare cases, when that concept was used to describe an absolute ruler, God was placed above the ruler, and *princeps* appeared only as one of its subordinates. The situation was similar within the Russian political language, where they started to use the term *sovereign* (*gosudar* in Russian) to translate Latin *princeps* only in the XVIII—XIX centuries. According to the author, such translation became first choice because it was consonant with the establishment of the tradition that implied unity between the political subject and political authority, which allowed for only one form of government — the state (*gosudarstvo* in Russian) — and only one image of the political leader — sovereign (*gosudar*).

In the final part of the article the author examines the evolution of the term *princeps* in the modern Russian political language, where this term is often used to describe the incumbent president of the Russian Federation. The author shows how the inadequate use of the term leads to the formation of an absurd concept: a wise and fair ruler who builds his rule upon lies and hypocrisy.

Keywords: sovereign (*gosudar*), prince (*knyaz*), princeps, theory of translation, medieval texts, political theology

References

Alexeev M.P. (1964) *Ocherk istorii ispano-russkikh literaturnykh otnoshenij XVI—XIX vekov* [The Essay of the History of the Russian-Spanish Literary Relations: 16th — 19th Centuries]. Leningrad: LGU. (In Russ.)

Aurov O.V. and E.S.Marey, eds. *Teologija i politika. Vlast', Tserkov' i tekst v korolevstvah vestgotov V — nachala VIII vekov: Issledovanija i perevody* [Theology and Politics. Authority, Church and the Text in the Visigoth Kingdoms, 5th — the Beginning of 8th Centuries: Essays and Translations]. Moscow: Delo. (In Russ.)

Avtonomova N.S. (2008) *Poznanie i perevod: Opyty filosofii jazyka* [Knowledge and Translation: Experiences of Philosophy of Language]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Blythe J.M. (2009a) *The Life and Works of Tolomeo Fiadoni (Ptolemy of Lucca)*. Turnhout: Brepols.

Blythe J.M. (2009b) *The Worldview and Thought of Tolomeo Fiadoni (Ptolemy of Lucca)*. Turnhout: Brepols.

Blythe J.M. and J. La Salle. (2005) “Was Ptolemy of Lucca a Civic Humanist? Reflections on a Newly-discovered Manuscript of Hans Baron” // *History of Political Thought*, vol. 26, no. 2: 236—265.

Buc P. (1994) *L'ambiguïté du livre: Prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Age*. Paris: Beauchesne.

Bugrov K.D. and M.A.Kiselev. (2016) *Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integracija evropejskogo vlijanija v rossijskuju političeskuju kul'turu XVIII veka* [Natural Law and the Virtue: The Integration of the European Influence on the Russian Political Culture of the 18th Century]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta. (In Russ.)

Chernyj A. (2014) “Prinsipat Putina” [Putin's Principate] // *After-shock*, 9.09. URL: <https://aftershock.news/?q=node/256384&full> (accessed 03.05.2018). (In Russ.)

Chesnokov A. and M.Tyurenkov. (2006) “Prezident Putin kak Printsip” [President Putin as a Principle] // *Pravyj vzgljad* [Right View], 29.09. URL: <http://pravaya.ru/look/9095> (accessed 03.05.2018). (In Russ.)

Cicero. (1901) *Polnoe sobranie rečej v russkom perevode (otchasti V.A.Alexeeva, otchasti F.F.Zelinskogo)* [Speeches (Translated by V.Alexeev and T.Zielinski)]. Vol. 1. St Petersburg: A.Ya.Lieberman. (In Russ.)

Friedrich II. (1779) *Anti-Machiavel' ili opyt vozrazhenija na Mahiavelevu nauku o obraze gosudarstvennago pravlenija, sochinen" nyne slavno vladejushchim" korolem prusskim Friderikhom" II* [The Refutation of Machiavelli's Prince, or Anti-Machiavel / Translated by Ya.Khoroshkevich]. St Petersburg: Tipografija Gosudarstvennoj voennoj kollegii. (In Russ.)

Ingerflom C.S. (2013) “„Loyalty to the State“ under Peter the Great? Return to the Sources and the Historicity of Concepts” // Bullock Ph.R. et al., eds. *Loyalties and Solidarities in Russian Society, History and Culture*. London: School of Slavonic and East European Studies: 3—19.

Ingerflom C.S. (2015) *Tsar c'est moi, l'imposture permanente d'Ivan le Terrible à Vladimir Poutine*. Paris: PUF.

Ingerflom C.S. (2016) “Theoretical Premises and Cognitive Distortions from the Uncritical Use of the Concept of „State“: the „Russian“ Case” // Garavaglia J.C., C.Lamouroux, and M.J.Braddick, eds. *Serve the Power(s), Serve the State: America and Eurasia*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing.

Kharkhordin O.V., ed. (2002) *Ponjatie gosudarstva v chetyrekh jazykakh* [A Notion of the State in Four Languages]. St Petersburg: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Kiselev M.A. (2012) “Pravda i zakon vo vtoroj polovine XVII — pervoj chetverti XVIII veka: ot monarkha-sud’i k monarkhu-zakonodatelju” [The Truth and the Law at the Second Half of 17th — First Quarter of 18th Century: from the Monarch Judge to the Monarch Legislator] // “*Ponjatija o Rossii*”: *K istoricheskoj semantike imperskogo perioda* [The Russian Grundbegriffe: on the Historic Semantics of Imperial Time]. T. I. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 49—65. (In Russ.)

Kiselev M.A. (2013) “Forma pravlenija i social’naja ierarkhija v rossijskoj politicheskoj mysli XVII — pervoj chetverti XVIII veka” [The Form of the Rule and the Social Hierarchy in the Russian Political Thought of 17th — First Quarter of 18th Century] // *Istoricheskij Vestnik* [The Historical Reporter], no. 6: 18—53. (In Russ.)

Koltashov V.G. (2007) *Prezidentskij principat: unitarnaja monarkhija v Rossii* [Presidential Principate: Unitarian Monarchy in Russia]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/102380/Koltashov_-_Prezidentskii_principat__unitarnaya_monarhiya_v_Rossii.html (accessed 03.05.2018). (In Russ.)

Kozelsky Ya. (1770) *Stat’i o nrovouchitel’noj filosofii i chastjakh eja: Iz Enciklopedii perevel” kollezhskoj sovetnik” Yakov” Kozel’skoj* [Articles about Moral Philosophy and Its Parts: From Encyclopedia, translated by Yakov Kozelsky, Collegiate Councillor]. Part II. St Petersburg: Pri imperatorskoj Akademii nauk. (In Russ.)

Kurennoj V.A. (2005). “Kak sdelat’ nashi perevody jasnymi” [How to Make Our Translations Clear?] // *Logos*, no. 2 (47): 72—82. (In Russ.)

Orlov F.P. (1704) *Leksikon trejazychnyj, sirech’ rechenij slavyanskikh, ellino-grecheskikh i latinskikh sokrovishch iz razlichnykh drevnykh i novykh knig sobrannoe i po slavyanskomu alfavitu v chin raspolozhennoe* [Three-Language Dictionary: Slavonic, Hellenic-Greek and Latin Treasures from Various Ancient and New Books Arranged According to the Slavic Alphabet]. Moscow: Tsarskaja tipografija. (In Russ.)

Oseki-Dépré I. (2011) “*O sootnoshenii mezhdú germenevtikoj i perevodom*” [Traduction et herméneutique] // *Logos*, no. 5—6 (84): 50—60. (In Russ.)

Pavlovsky G. (2003) “Putin — demokraticeskij printseps: Vystuplenie na zasedanii kluba „Otkrytyj forum“” [Putin as a Democratic Princeps: Presentation at the “Open Forum” Club Meeting] // *Russkij zhurnal* [Russian Journal], 26.10. URL: http://old.russ.ru/politics/20031029_pavlovsk.html (accessed 03.05.2018). (In Russ.)

Pavlovsky G.O. (2014) *Sistema RF v vojne 2014 goda. De Principatu Debili* [A Russian Political System in the War of 2014: De Principatu Debili]. Moscow: Evropa. (In Russ.)

“Prinsipat Putina” [Putin’s Principate]. (2011) // *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], 29.01. URL: http://www.ng.ru/tenyears/2011-01-29/100_putin.html (accessed 03.05.2018). (In Russ.)

- Shabaga I.Yu. (2010). “Traktat Leonardo Bruni „O pravil’nom perevode“” [The Treatise “On Correct Translation” by Leonardo Bruni] // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 22: Teorija Perevoda* [The Moscow University Herald. Series 22: Translation Theory], no. 1: 27–65. (In Russ.)
- Shpet G.G. (2008–2009) [1922] *Ocherk razvitiija russkoj filosofii*. [A History of Russian Philosophy]. Parts 1–2. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- “Sobchak — eto Kaj Julij Tsezar’, a Putin — eto Oktovian Avgust, naslednik Tsezarja” [Sobchak Is Gaius Iulius Caesar, and Putin Is Gaius Octavius, Caesar’s Heir]. (2007) // *Radio Svoboda* [Radio Liberty], 11.08. URL: <https://www.svoboda.org/a/406636.html> (accessed 03.05.2018). (In Russ.)
- Sredinskaya N.B. (1990) “Taktat Fomy Akvinskogo „O pravlenii gosudarej“” [St Thomas Aquinas’ “De regimine principum”] // *Politicheskie struktury epohi feodalizma v Zapadnoj Evrope (VI—XVII vv.)* [Western European Political Structures during Feudal Times (6th–17th Centuries)]. Leningrad: Nauka: 217–243. (In Russ.)
- St. Jerome. (1894) *Tvorenija blazhennogo Ieronima Stridonskogo. T. 2: Pis’ma Ieronima* [St. Jerome’s Works. Vol. 2: Letters]. Kiev: Kievskaja dukhovnaja akademija. (In Russ.)
- Stetsyura T.D. (2010). *Khozjaistvennaja etika Fomy Akvinskogo* [Economic Ethics of Thomas Aquinas]. M.: ROSSPEN. (In Russ.)
- Strube de Piermont F.H. (1760) *Lettres Russiennes*. Saint-Petersbourg: Académie des sciences.
- Surkov V. (2017) “Krizis litsimerija. „I hear America singing“” // *RT*, 7.11. URL: <https://russian.rt.com/world/article/446944-surkov-krizis-licemeriya> (accessed 03.05.2018). (In Russ.)
- Tolstikov A.V. (2002) “Predstavlenija o gosudare i gosudarstve v Rossii vtoroj poloviny XVI — pervoj poloviny XVII veka” [The Perceptions of a Ruler and a State in Russia at the Second Half of 16th — First Half of 17th Century] // *Odissej: Chelovek v Istorii* [Odysseus: Man in History]. Moscow: Nauka: 294–310. (In Russ.)
- Voskobochnikov O.S. (2014) *Tysjacheletnee tsarstvo (300—1300): Ocherk khristianskoj kul’tury Zapada* [The Millennial Reign (300–1300 A.D.): A History of the Culture of the Christian West]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Yusim M.A. (2011) *Makiavelli: Moral’, politika, fortuna*. [Machiavelli: Moral, Politics, Fortune]. Moscow: Kanon+. (In Russ.)
- Zoltan A.K. (2002) “K predystorii russk. „gosudar“” [A Russian Word “Gosudar”: a History of the Concept] // Litvina A.F. and F.B.Uspensky, eds. *Iz istorii russkoj kul’tury. T. 2. Kn. 1: Kievskaja i Moskovskaya Rus’* [Essays on the Russian Culture’s History. Vol. 2. Book 1: Kievan and Moscovite Rus]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul’tury: 554–590. (In Russ.)